

Семён ЭКШТУТ,
доктор философских наук

СЛУЖИЛ ПРИМЕРОМ ОТЛИЧНОЙ ХРАБРОСТИ

Генеральские награды за Бородино

«Эта была битва великанов»¹. Так Наполеон оценил Бородинское сражение. Потери в командном составе с обеих сторон были огромны: в русской армии убиты и смертельно ранены 4, ранены и контужены 23 генерала; в Великой армии убиты или умерли от ран 12 генералов, ранены один маршал и 38 генералов². На следующий день после Бородинской битвы главнокомандующий генерал от инфантерии светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов донёс императору: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи. Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельской, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить. Во-

йски Вашего Императорского Величества сражались с неимоверною храбростию. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами.

Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армия не могли не расстроиться, и за потерю, сей день сделанную позицию, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее и войскам не совместною, а потому, когда дело идёт не о славах выигранных только баталлий, но вся цель будучи

устремлена на истребление французской армии, ночевая на месте сражения, я взял намерение отступить 6 вёрст... в тёплом уповании на помощь Всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск увижу я, что могу предпринять противу неприятеля»³.

Кутузов, если судить по его витеватому донесению, ни слова не сказал о том, что Бородинская битва была им выиграна, а сделал акцент на том, что Наполеон не сумел разгромить русскую армию в так давно ожидаемом им генеральном сражении, и убеждал государя в собственном намерении дать новое сражение. Это донесение главнокомандующего было отредактировано рукой государя и частично опубликовано в № 71 газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от

Знак ордена св. Георгия 3-го класса.

Неизвестный художник. Бородинское сражение.
Акварель. Первая четверть XIX в.

Дж. Доу. Портрет генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского.

Дж. Доу. Портрет генерал-адъютанта графа П. А. Строганова.

Дж. Доу. Портрет генерал-майора М. С. Вистицкого.

3 сентября 1812 года. Свойственная началу XIX века «растянутая одновременность»⁴ событий не позволит никому из современников сопоставить, что в этот же день Великая армия заняла Москву. А ведь ещё 6 августа главнокомандующий в Москве генерал от инфантерии граф Фёдор Васильевич Ростопчин с пеной у рта уверял своего друга князя Петра Ивановича Багратиона: «Неужели... Москву осквернит француз? Он говорил, что проебёт Россию и сделает из ней блядь; а мне кажется, что она целкой останется. Ваше дело её сберечь! — а наше держать в чистоте»⁵. Ростопчин оказался неважным пророком. Главная квартира Наполеона расположилась в Кремле. Французам достались в Москве богатые военные трофеи: 156 орудий, 75 тысяч ружей, 40 тысяч сабель и множество другого оружия⁶. Но ни Александр I, ни жители Петербурга ещё не знали об этом.

Спустя три дня после Бородинского сражения, 29 августа, Кутузов вновь рапортовал Александру I: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришёл нас атаковать. Но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге»⁷. Первое донесение главнокомандующего о Бородинском сражении было доставлено в Петербург 30 августа. На следующий день царь пожаловал Кутузову чин генерал-фельдмаршала и сто тысяч рублей единовременно, а его супруга, княгиня Екатерина Ильинична, получила высокое придворное звание статс-дамы. Всем нижним чинам, принявшим участие в сражении, Александр I предписал вы-

Дж. Доу. Портрет генерал-майора С. В. Дяткова.

дать по пять рублей на человека и повелел Кутузову представить к награде отличившихся воинов: «Мы ожидаем от вас особенного донесения о сподвизавшихся с вами главных начальниках, а вслед за оным и обо всех прочих чинах, дабы по представлению вашему сделать им достойную награду»⁸.

Лишь 29 сентября в деревне Леташёвка, куда из села Тарутино пятью днями ранее была перенесена Главная квартира русской армии, фельдмаршал подписал рапорт на имя государя, в котором испрашивал награды 50 отличившимся генералам. В зависимости от чина и заслуг каждого военачальника Кутузов просил государя пожаловать им различные знаки отличия: чины, ордена, золотое оружие. Лишь трёх генералов — лично известных государю графа Строганова, графа Сен-При, принца Мекленбургского — Кутузов не стал представлять к конкретной награде, оставив это на благоусмотрение монарха.

Угодливость фельдмаршала перед сильными мира сего не имела предела и часто перерастала в раболепие⁹. Опытный царедворец резонно посчитал, что не стоит ограничивать монаршую милость и что Александр I щедро наградит тех, кого он хорошо знает. Отдельным рапортом в тот же день были представлены к наградам «полные» генералы — начальник Главного штаба соединённых армий Беннигсен и главнокомандующий 1-й Западной армией Барклай де Толли: «Достоинство первого и служба последнего, будучи известны Вашему Величеству, посему и награждения заслуг их предаю Высочайшему устремлению»¹⁰.

Москва ещё была занята французами, сообщение Главной квартиры с Петербургом осуществлялось кружным путём, поэтому даже безостановочно скакавшие срочные курьеры добирались до Северной столицы не через три дня, как это было до сдачи Москвы, а спустя девять. «Растянутая одновременность» событий ещё бестелеграфного века возросла в три раза. Поэтому два рапорта фельдмаршала были доставлены государю не ранее 8 октября. Но что делал в это время император?

Сентябрь и октябрь рокового для всей России 1812 года царь пребывал в томительном бездействии в своём дворце на Каменном острове в Петербурге. Именно в это время произошло духовное обновление Александра Павловича: дитя скептического осмнадцатого столетия впервые обратился к Богу, начал читать Библию. «Пламенная и искренняя вера проникла к нему в сердце и, сделавшись христианином, он почувствовал себя укреплённым»¹¹. Между тем его державной власти как никогда раньше угрожало крушение. По Петербургу ползли слухи о готовящемся дворцовом перевороте, называли даже имя новой государыни — императрицы

Елизаветы Алексеевны, брошенной супруги Александра. Знатная придворная дама, графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг, вспоминала: «...К любопытным особенностям Александровского царствования принадлежит то, что должностные лица постоянно оправдывали себя в глазах общества и всю вину вваливали на особу государя... Сильный ропот раздавался в столице. С минуты на минуту ждали волнения раздражённой и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии, так что в разговорах редко кто решался его извинять и оправдывать.

...Приближалось 15 сентября — день коронации, обыкновенно празднуемый в России с большим торжеством. Он был особенно знаменателен в этот год, когда население, приведённое в отчаяние гибелью Москвы, нуждалось в ободрении. Уговорили государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности, но по этому можно судить, как велики были опасения. Мы ехали шагом в каретах о многих стёклах, окружённые несметною и мрачно-молчаливою толпою. Взмолвленные лица, на нас смотревшие, имели вовсе не праздничное выражение. Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступали в церковь, следуя посреди толпы, ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги,

а я была убеждена, что достаточно было малейшей искры, чтобы всё кругом воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходило в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются»¹².

Спустя три недели после этого смятения царь получил два рапорта Кутузова, в которых испрашивались награды за Бородино. И хотя фельдмаршал представил генералов к награде, руководствуясь повелением государя, это повеление было дано Александром ещё *до того*, как он узнал о сдаче Москвы. Михаил Илларионович же исполнил это повеление так, словно после кровопролитного сражения не было ни сдачи Москвы, ни потери в Москве громадного количества различного оружия, которым можно было вооружить целую армию. Однако, несмотря на всё это, Кутузов не стал проявлять скромность и просил для генералов очень высокие награды. В ответ император не стал торопиться с утверждением наград. Две недели представления фельдмаршала не получали апробации государя.

Составлению обширного наградного списка предшествовала большая, сопровождавшаяся интригами подготовительная работа, которая не могла быть сделана в одночасье. «Я в Главную Квартирu почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а ещё более во всей армии

В. В. Мазуровский. Атака русской кавалерии на французскую батарею при Бородине. 1902 г.

егоизм, не смотря на обстоятельства России, о коей ни кто не заботится»¹³. Так, со множеством орфографических ошибок, генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский писал своему дяде по матери графу Александру Николаевичу Самойлову 7 октября 1812 года из Тарутинского лагеря.

И Кутузов, и император оказались в нелёгком положении: «надобно было, рассматривая достоинство оказанных отличий, соразмерять вознаграждения»¹⁴. Соизмерять приходилось не только с достоинством отличий, но и со служебным положением лиц, совершивших подвиг. Исключительный подвиг далеко не всегда увенчивался адекватной его значимости наградой. Высшие степени орденов могли быть даны лишь тем из отличившихся, кто находился на вершине служебной иерархии и уже имел предыдущие награды, которые жаловались в строгой последовательности — от низших к высшим. Возникла очень непростая ситуация. С одной стороны, почти каждый из отличившихся в Бородинской битве генералов имел неоспоримое право претендовать не просто на очередную боевую награду, а на нечто исключительное, из ряда вон выходящее. С другой стороны, русская армия проявила массовый героизм, поэтому так сложно было ранжировать награды отличившимся. Дав слишком щедрую награду одному генералу, Александр I рисковал нанести незаслуженное оскорбление другому.

Если судить по рапорту Кутузова, то можно сделать вывод, что спустя месяц

Лента, звезда и знак ордена св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

дович были награждены алмазными знаками ордена св. Александра Невского, Коновницын получил шпагу с алмазами, а Ермолов был вынужден довольствоваться орденом св. Анны 1-й степени, так называемой Аннинской лентой, что вызвало его нескрываемое раздражение: «Главкомандующий военный министр Барклай де Толли, отъезжая из армии в сентябре месяце, поручил директору министерской своей канцелярии флигель-адъютанту полковнику Закревскому показать мне собственноручный рапорт его фельдмаршалу, которым просил представить меня к награде орденом св. Георгия 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначать мне награду, к которой представлен сам главнокомандующий, но сколько же несправедливо просить Аннинскую ленту наравне с бригадными командирами и шефами полков, награду, получаемую за смотры войск и парады»¹⁶.

Однако посмотрим на эту конфликтную ситуацию не глазами обиженного и склонного к интригам честолюбивого

после Бородинской битвы фельдмаршал расценивал это кровопролитное сражение как несомненную победу русской армии. Три генерала были представлены им к военному ордену св. Георгия Победоносца 2-го класса. Орден представлял собой большой белый крест, носимый на шее на полосатой чёрно-оранжевой ленте, и золотую ромбовидную Георгиевскую звезду, носимую на левой стороне груди. Это была очень высокая и весьма редко даваемая награда, жаловавшаяся лишь за выигранные битвы и победоносные сражения. К св. Георгию 2-го класса были представлены генералы от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров, Михаил Андреевич Милорадович и генерал-лейтенант Пётр Петрович Коновницын, чьи заслуги были неоспоримы не только в Бородинской битве, но и в предшествующих арьергардных боях. «Некоторые дела были весьма кровопролитны. Я сего генерала отлично рекомендую»¹⁵ — так было сказано о Коновнице. Барклай де Толли просил об этой же награде и для артиллерии генерал-майора Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, но его представление не было уважено светлейшим князем. В итоге Ермолова представили к Александровской ленте — награде менее престижной, чем Георгиевская звезда, но исключительной для генерал-майора. Однако ни одно из этих представлений не было удовлетворено императором. Дохтуров и Милора-

генерала, а постараемся постигнуть логику императора. В рапорте Кутузова о подвиге Ермолова было сказано весьма обстоятельно: «При устройстве 1-й армии и приготовлении оной к бою содействовал с большою деятельностью и благоразумием, и когда неприятелю удалось взять центральную батарею и опрокинуть часть 7-го корпуса, который оную при-

В. Л. Боровиковский. Портрет генерала от инфантерии Д. С. Доктурова. Миниатюра. Генерал изображён с орденами Александра Невского, Георгия 2-го класса, Владимира 1-й степени и серебряной медалью за 1812 год.

крывал, 24-й же дивизии приказано было опять сию батарею взять, то сей генерал кинулся сам вперёд, ободрив своим примером солдат, и вмиг сия батарея опять была взята и неприятель, в оной находящийся, весь истреблён, при каком случае взят в плен французский генерал Бонами»¹⁷. Генерал проявил личное мужество и отвагу, но начальник Главного штаба армии не должен лично водить в контратаку пехотный батальон, что сделал Ермолов во время схватки за батарею Раевского. При этом двуличный генерал умолчал о подвиге, который совершил старший адъютант Барклай майор Владимир Иванович Левенштерн. Отважный ливонский барон во главе пехотного батальона одним из первых ворвался на занятую французами батарею, был ранен, но остался в строю. Затем неустрашимый офицер, собрав несколько драгун, отбил у французов захваченную ими русскую пушку и был снова ранен. Ермолов стал свидетелем подвига адъютанта, даже лицемерно поздравил его с предстоящим награждением Георгиевским крестом, но не стал представлять майора к заслуженной награде, желая приписать успех только себе. За Бородинское сражение майор Левенштерн, в отличие от генерал-майора Ермолова, не получил никакой награды — ни чина, ни ордена¹⁸.

В чём же была логика императора? Во-первых, ни один из представленных генералов не получил орден более высокого достоинства, чем тот, который просил для него Кутузов. Существовала устойчивая традиция: после победоносных сражений венценосец, являя монаршую милость к некоторым особо отличившимся военачальникам, повышал ранг испрашиваемых для них в реляции наград на одну или две ступени. Однако на сей раз традиция была нарушена. За Бородинское сражение никто не был удостоен ордена св. Андрея Первозванного — высшего ордена Российской империи. Во-вторых, государь внёс в представление Кутузова *шестнадцать собственноручных помет*. Поскольку одна из помет относилась к двум фамилиям, монарх явил свою волю и лично распорядился относительно награждения 17 из 50 генералов, представленных к награде за Бородино. В двух случаях Александр I произвёл в следующий чин тех генералов, награждение которых было оставлено на его благоусмотрение: графа Строганова, графа Сен-При, принца Мекленбургского. Трёх генерал-майорам вместо ордена св. Владимира 2-й степени он пожаловал чин генерал-лейтенанта. Чин за отличие был предпочтительнее очередного ордена, поэтому можно утверждать, что генералы

барон Корф, Васильчиков и Неверовский получили за Бородино более престижную награду, чем орден, к которому их представил фельдмаршал¹⁹. Итак, «по манию царя» шесть генералов были произведены в следующий чин, что ощутимо продвинуло их по службе: отныне эти генералы могли получить под своё начало не только дивизию, но и корпус. Но не все царские пометы были таковы. *Одиннадцать поправок*, сделанных Александром I, целенаправленно снижали, как правило, на одну ступень достоинство жалуемых наград. Фельдмаршал представлял генералов к наградам экстраординарным — царь не стал проявлять монаршую милость и пожаловал очередные боевые ордена.

Кутузов представил трёх генералов к награждению шпагами с алмазами. Об одном из них, отважном кавалерийском начальнике генерал-майоре Семёне Давыдовиче Панчулидзе, в рапорте Кутузова было сказано так: «Командуя Изюмским гусарским полком, атаковал неприятельскую кавалерию и, когда сей полк был приведён в беспорядок, к устроению его показал собою пример храбрости и неустрашимости»²⁰. Это представление и два ему подобных были удовлетворены Александром. Кроме того, ещё три генерала были награждены шпагами с алмазами вместо высоких орденов, которые просил для них Кутузов. Император не сделал исключения даже для своего дяди — генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского. «По получении раны князем Багратионом, между тем временем, пока прибыли прежде генерал-лейтенант Коновницын, а потом генерал Докторов (Дохтуров. — С. Э.) к принятию командования левым крылом, поручено было его светлостью устроение потерпевших знатно одного войск, что исполнил он с желаемым успехом».

Учитывая высокий чин брата вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, фельдмаршал представил герцога — единственного среди всех генералов — к ордену св. Владимира 1-й степени. Он занимал второе место в иерархии императорских орденов, уступая первенство лишь ордену св. Андрея Первозванного. Этим представлением искушённый в придворных интригах фельдмаршал хотел угодить как вдовствующей императрице, так и государю. Современники были хорошо осведомлены о склонности светлейшего князя к интригам. Багратион, узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, писал с нескрываемым негодованием: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождём!.. Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и

Лента, звезда св. Владимира 1-й степени.

интриги»²¹. Император легко разгадал придворный манёвр Кутузова, не утвердил представление и наградил герцога Вюртембергского шпагой с алмазами. Это решение было справедливо. Сомнительные заслуги дяди по «устроению» войск левого фланга не шли ни в какое сравнение с реальными заслугами Дохтурова и Коновницына, вынесших на своих плечах всю тяжесть сражения на этом фланге. И государь не захотел дать герцогу более высокую, чем этим генералам, награду.

Золотое оружие с надписью «За храбрость» было очень достойной боевой наградой. (Из золота изготавливались эфес оружия и приборные металлические части ножен.) Эта награда считалась самостоятельным знаком отличия. Имена тех, кто был ею удостоен, вносились в кавалерские списки, наравне с кавалерами орденов. Офицеры от прапорщика до полковника включительно получали золотое оружие с надписью «За храбрость», а жалуемое генералам наградное оружие украшали алмазами. Однако если наградное генеральское оружие давалось не просто за храбрость в сражении, а за полководческое искусство или выигранную битву, то на шпаге делалась соответствующая надпись. Например, 23 ноября 1807 года Милорадовичу была пожалована золотая шпага с алмазами и надписью «За храбрость и спасение Букарешта», а 29 сентября 1826 года Николай I наградил генерала Паскевича золотой шпагой с алмазами и надписью «За поражение персиян при Елисаветполе». Ни один из шести генералов, награждённых холодным оружием за Бородинскую битву, не был удостоен шпаги с надписью, поясняющей, что оружие дано именно за сражение 26 августа 1812 года. Царь поощрил генеральскую отвагу на поле боя, но он не счёл нужным отметить их полководческие заслуги. Александр I очень хорошо отличал одно от другого. Когда Кутузов представил генералов к награде именно за храбрость в бою и попросил для них шпаги с алмазами или ордена св. Георгия 3-го класса и св. Владимира 3-й степени, которые никак не ассоциировались с полководческим искусством, то государь без возражений утвердил представление и пожаловал эти награды.

Командир драгунской бригады и шеф Оренбургского драгунского полка генерал-майор Степан Васильевич Дятков был известен как мужественный и умелый командир. В битве при Прейсиш-

Лента, звезда и знак ордена св. Анны 1-й степени.

Звезда ордена св. Александра Невского.

Орден св. Александра Невского. Принадлежал Александру I, пожаловавшему его генералу А. Д. Балашову. ГИМ.

Звезда ордена св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

Эйлау он был ранен пулей в живот, под Смоленском — пулей в правое плечо, во время Бородинской битвы — картечью в кисть правой руки. За Бородино Кутузов представил Дяткова к ордену св. Владимира 3-й степени. «Подавал Оренбургскому драгунскому полку пример храбрости и вёл сам полк в атаку, причём был тяжело ранен»²². Император уважил это представление, и генерал-майор получил шейный крест св. Владимира 3-й степени.

Генерал-квартирмейстер соединённых армий генерал-майор Михаил Степанович Вистицкий был представлен к ордену св. Анны 1-й степени с алмазами. Генерал проявил не только личное мужество, но и исполнительность и распорядительность. «При сильной атаке левого фланга наших войск находился, исполняя приказания мои, под сильными ружейными выстрелами неприятельских стрелков, содействовал в расположении войск, в

особенности левого фланга, и вообще во всё время сражения служил примером отличной храбрости»²³. Император уважил и это представление.

Но Александр I отказал Дохтурову, Милорадовичу и Коновницину в ордене св. Георгия 2-го класса, коим согласно орденскому статуту награждались лишь «отличнейшие воинские доблести»²⁴. По мнению государя, ни один из них не проявил полководческой доблести во время кровопролитного сражения. Александр I исходил из краеугольного положения орденского статута и, не утвердив представление фельдмаршала, действовал в

точном соответствии с этим положением: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всём по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным от-

личием...»²⁵ Для военачальников такого ранга, какой имели Дохтуров, Милорадович и Коновницын, добросовестное исполнение служебных обязанностей предполагало наличие полководческих доблестей. Но именно этих доблестей ни один из них, по мнению царя, не проявил во время продолжительного и кровопролитного Бородинского сражения. Внимательно изучив рапорт фельдмаршала Кутузова, Александр I пришёл к выводу, что в ходе битвы эти весьма достойные генералы проявили: Дохтуров — твёрдость в обороне, Милорадович — необыкновенную силу духа и отличную храбрость, Коновницын — благоразумие и мужество²⁶. Ни один из этих генералов не ознаменовал себя особенным полководческим отличием, поэтому император не стал награждать их полководческим орденом св. Георгия 2-го класса. Лишь один-единственный военачальник получил Георгиевскую звезду за Бородинскую битву. Им стал Барклай де Толли. Император оценил не только его личную храбрость в Бородинском сражении, во время которого под Барклаем было убито пять лошадей, но и проявленное военным министром в начальный период войны полководческое искусство. Именно глубоко обдуманый замысел Барклая, его «скифский» план, помог русской армии избежать преждевременного генерального сражения и неминуемого разгрома в битве с превосходящими силами противника.

Александр I не посчитал Бородинскую битву тем сражением, которому суждено навсегда остаться в военной летописи государства Российского, и не пожелал увековечить память о нём золотым крестом для офицеров или серебряной медалью для нижних чинов. В собрании Государственного Исторического музея хранятся

Сабля генерала от инфантерии графа А. И. Чернышёва. Россия. 1836 г. Золото, алмазы.

Золотая шпага «За храбрость» с бриллиантами.

серебряные медали для нижних чинов за участие в победоносных сражениях: Кунерсдорфском в 1759 году, Кагульском в 1770-м, Чесменском в 1770-м, Кинбурнском в 1787-м, Очаковском в 1788-м, Измаильском в 1790-м²⁷. В этом созвездии медалей нет медали за Бородино. Уже существовала традиция отмечать выигранные сражения наградными офицерскими золотыми крестами на Георгиевской ленте. При Екатерине II были выбиты кресты за взятие Очакова, Измаила и Праги (предместье Варшавы). При Александре эта традиция была продолжена и появились кресты за Прейсиш-Эйлау и Базарджик. Кто помнит сейчас эти сражения?

Ни один из генералов, отмеченных за Бородино, не был доволен полученной наградой. Почти все роптали на скупость высочайших пожалований. Что же говорить о тех, а их было немало, кто принимал участие в сражении и отличился, но не был награждён?! Генерал Раевский писал с нескрываемой желчью: «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно... Связи и интриги делают всё, заслуги — очень мало»²⁸. Однако в действиях императора был свой резон. Этими наградами он хотел показать армии, что одной храбрости для победы над неприятелем недостаточно. Военачальник должен быть не только смелым, но и умелым в своём генеральском ремесле. Один из самых проницательных людей Александровской эпохи, Алексей Петрович Ермолов, это отлично понимал: «Мне нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во фронте артиллерийским офицером, я мог быть известен одною смелостию, а одна таковая в чине генерал-майора меня уже не удовлетворяла»²⁹.

Александр I хотел, чтобы гению Наполеона было противопоставлено полководческое искусство. Лишь полководческое искусство поможет России победить Наполеона. 7 октября император Наполеон с главными силами своей армии выступил из Москвы, но в Первопрестольной ещё оставался корпус маршала Адольфа Мортье. Лишь 11 октября летучий отряд генерал-майора Ивана Дмитриевича Иловайского 4-го занял Москву, оставленную французами³⁰. Как только Александр получил известие об этом, он незамедлительно подписал указ о наградах генералам, отличившимся в Бородинском сражении. Это произошло 21 октября. Усвоили ли генералы тот урок, который им преподавал император? Стали ли они побеждать врага не только числом, но и умением? Однозначного ответа на этот вопрос нет до сих пор. Однако, если судить по конечному результату,

О. И. Олешкевич. Парадный портрет генерал-фельдмаршала князя М. И. Кутузова, сидящего перед бюстом императора Александра I. 1813 г.

по тому, что в марте 1814 года победоносная русская армия вступила в Париж, урок пошёл им на пользу. Военачальники усвоили царский урок — монарх не стал скупиться на награды.

В 1812–1814 годах кавалерами полководческого ордена св. Георгия 2-го класса стали *четыренадцать* военачальников, участников Бородинского сражения, упоминавшихся в рапорте Кутузова:

Милорадович — за участие в Отечественной войне против французов; Дохтуров — за отличие в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 года; Коновницын — за отличия в Отечественную войну против французов; Остерман-Толстой — за поражение французов в сражении при Кульме 17 и 18 августа 1813 года; герцог Александр Вюртембергский — за отражение вылазки неприятеля из крепости Данциг 17 августа 1813 года; Капцевич — за отличие в сражении

при Лейпциге; принц Евгений Вюртембергский — за отличие в сражениях под Лейпцигом 4–7 октября 1813 года; Васильчиков — за отличие в сражении при Бриенне; граф Воронцов — за отличие в сражении при Краоне; Раевский — за отличие при взятии Парижа 18 марта 1814 года; князь Горчаков 2-й — за отличие при взятии Парижа; Ермолов — за отличие при взятии Парижа; граф Строганов — за отличие в войну с французами; граф Сен-При — за отличие в сражении при Реймсе 1 марта 1814 года. Золотые Георгиевские звезды заслуженно упали на их груди.

Три участника Бородинского сражения стали кавалерами ордена св. Георгия 1-го класса — высшей военной награды Российской империи (за полтора века существования ордена удостоились всего-навсего 25 человек): фельдмаршал князь Кутузов «за поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году», генерал от инфантерии граф Барклай де Толли «за поражение французов в сражении при Кульме 18 августа

С. С. Щукин. Портрет императора Александра I. 1800-е гг.

1813 года», генерал от кавалерии граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен «за успешные действия против французов в войну 1814 года». Что и требовалось доказать. «Северный сфинкс» добился того, чего хотел.

Пройдут годы, Бородино станет судьбоносной вехой в истории страны и национальным мифом. Западные историки считают Бородинскую битву победой Наполеона: русская армия покинула поле сражения и не отстояла Москву. Отечественные историки им возражают: да, Наполеон наступал, умело создавая численное превосходство во всех видах оружия на направлении главного удара, но русская армия выстояла и сохранила свою боеспособность. Пожертвовав Первопрестольной, Кутузов выиграл драгоценное время, накопил резервы и в конечном счёте выиграл кампанию. Однако есть разница между отечественной войной и игрой в шахматы. Если в начале шахматной игры можно пожертвовать пешку или фигуру, чтобы выиграть позицию, то в истории всякая жертва вызывает неоднозначные оценки современников и потомков. Оценка любого исторического события заключается в том, что приходится учитывать несколько переменных: результат, издержки, отдалённые последствия, восприятие события современниками и потомками. И это уравнение со многими неизвестными никогда не имеет одного-единственного верного решения. В этом суть.

Примечание

1. Платов А. Так говорил Наполеон. М. 2003. С. 173.
2. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. 2004. С. 91.
3. Бородино: Документальная хроника. М. 2004. С. 165.
4. Эйдеман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М. 1979. С. 337.
5. 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии: Из собрания Государственного Исторического музея. М. 1992. С. 179.
6. Подмазо А. А. Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. М. 2003. С. 48.
7. Бородино: Документальная хроника. С. 129–130.
8. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М. 1954. С. 193.
9. Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М. 2002. С. 73, 79–80.
10. Бородино: Документальная хроника. С. 265.
11. Эдлинг Р. С. Записки//Державный сфинкс. М. 1999. С. 178–179.
12. Там же. С. 165, 178–179.
13. 1812–1814... С. 228.
14. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М. 1991. С. 259.
15. Бородино: Документальная хроника. С. 267.

16. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. С. 259. В иерархии императорских орденов орден св. Александра Невского занимал третье место по старшинству и почитался весьма высокой наградой, в быту называемой Александровской лентой. Алмазные знаки этого ордена считались высшей его степенью: они жаловались лишь тем, кто уже имел Александровскую ленту. Однако если алмазные знаки ордена св. Александра Невского можно было получить и в мирное время, то орден св. Георгия 2-го класса был наградой исключительно боевой и находился вне орденской иерархии. Аннинская лента располагалась на две ступени ниже Александровской ленты.
17. Бородино: Документальная хроника. С. 269.
18. Там же. С. 298–299. Барон Левенштерн вспоминал: «В тот момент все признали за мою заслугу, что я увлёк всех своим примером. Генерал Ермолов поцеловал меня на самой батарее и тут же поздравил меня с Георгием, который я, несомненно, должен был получить. Но впоследствии, когда этот эпизод был признан самым выдающимся событием дня, другие лица пожелали присвоить себе эту честь и пожалели о том, что они были слишком откровенны в выражении своих чувств, в тот момент, когда пролитая кровь заставила смолкнуть

вражду. Генерал Ермолов, Кикин и я были ранены; храбрый граф Кутайсов был убит... Я встретился в госпитале с генералом Ермоловым и графом Остерманом. Первый, под впечатлением совершившегося, осыпал меня похвалами и просил у меня прощения, сознавшись, что он был виноват передо мною, и объявил, что впредь он будет всегда приятелем человека, которого он видел на белой лошади в пятидесяти шагах перед Томским батальоном и который первый пошёл на штурм батареи; он присовокупил, шутя: «Вы вполне заслужили Георгиевский крест, да и сами походили на Георгия на вашей белой лошади с саблей в руке». Впоследствии он предал всё это забвению, и в настоящее время во всех реляциях упоминается о нём, как о том офицере, который стал во главе батальона и повёл его на холм. Искражено даже название полка, коему принадлежала честь этого подвига. Ничего не требуя для себя, я вступаю только за честь Томского полка. Генералу Ермолову было также излишне присваивать себе моё место, как Суворову место того офицера, который первый пошёл на штурм Измаила. Честь взятия этой батареи принадлежит по праву генералу Ермолову. Я имел только счастье подать к тому первый пример. Он был начальник штаба, а я простой майор, следовательно, между нами не могло быть никакого

- соревнования, никакого соперничества» (Записки генерала В. И. Левенштерна// Русская старина. 1900. № 12. С. 572–582. Курсив мой. — С. 3.). Лишь 18 декабря 1813 года, после рапорта, поданного им 5 июня 1813 года на имя генерала Барклая де Толли, барон Левенштерн был удостоен ордена св. Георгия 4-го класса и в том же году получил чин подполковника.
19. В иерархии императорских орденов орден св. Владимира 2-й степени, в быту именуемый Владимирской звездой, превосходил орден св. Анны 1-й степени, но уступал ордену св. Александра Невского.
  20. Бородино: Документальная хроника. С. 271.
  21. Князь П. И. Багратион — графу Ф. В. Ростопчину. 16 августа 1812 года// Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб. 1882. С. 101.
  22. Бородино: Документальная хроника. С. 271.
  23. Там же.
  24. Об ордене святого Великомученика и Победоносца Георгия. 1833. М. 2000. С. 7.
  25. Там же.
  26. Бородино: Документальная хроника. С. 266–267.
  27. Дуров В. А. Русские награды XVIII — начала XX в. М. 1997. С. 51–59.
  28. 1812–1814. С. 236, 238.
  29. Записки А. П. Ермолова. С. 116–117.
  30. Подмазо А. А. Указ. соч. С. 54–56.